

DOI: 10.31857/S0321507525040012

Китай – США: модель 2025. Возможен ли новый треугольник «Россия – Китай – США»?

© Лузянин С.Г.^{a,b}, 2025

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b МГИМО (У), Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9578-6023; Luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются итоги политики Дж.Байдена в отношении Китая, особенности китайско-американских отношений в первый президентский срок Д.Трампа (2017–2020) и в начальный период его второго правления, включая анализ торгово-экономических, военно-политических связей, особенности регионального и глобального позиционирования США и КНР в 2025 г.

Автор исследует проблему, как в условиях глобализации проявляется взаимозависимость двух держав в различных сферах, включая анализ наиболее вероятных сценариев развития двусторонних контактов на 2025–2028 гг. Отмечается, что зонами повышенной конфликтности станут торгово-тарифные войны; ограничения на американские инвестиции в технологии и инфраструктуру; ограничение, сокращение американского углеводородного импорта в КНР и др.

Отдельное внимание уделяется исследованию конкуренции в сфере цифровой экономики и искусственного интеллекта, причин китайских успехов в области высоких технологий. Перспективы формирования нового треугольника «Россия – Китай – США» маловероятны. Пока речь идет об отдельных сегментах структуры, прежде всего о дальнейшем, несоюзническом сближении и кооперации РФ и КНР по основным направлениям, включая военно-стратегическое.

Ключевые слова: Китай, США, торговля, тарифы, санкции, стратегическая безопасность, Россия, цифровизация

Для цитирования: Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2025. Возможен ли новый треугольник «Россия – Китай – США»? *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 4. С. 5–12. DOI: 10.31857/S0321507525040012

China – USA: Model 2025. Is a New Triangle “Russia – China – USA” Possible?

© Sergey G. Luzyanin^{a,b}, 2025

^a HSE University, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9578-6023; Luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract. The article examines the results of J.Biden’s policy towards China, the specifics of Chinese-American relations during D.Trump’s first presidential term (2017–2020) and the initial period of his second administration, including an analysis of trade, economic, military and political ties, and the specifics of the regional and global positioning of the United States and China in 2025.

The author examines the problem of how the interdependence of the two powers manifests itself in various spheres in the context of globalization and offers an analysis of the most probable scenarios for the development of bilateral contacts for 2025–2028. It is noted that the following will become areas of increased conflict: trade and tariff wars, restrictions on American investment in technology and infrastructure, restrictions on China’s export of rare earth metals, a reduction in American hydrocarbon imports to China, etc.

Special attention is paid to the study of competition in the field of digital economy and artificial intelligence, the reasons for China’s success in the fields of high technology. The prospects for the formation of a new triangle “Russia – China – USA” are unlikely. A trilateral, coordinated agenda on the economy, ecology, finance, security and transport is not in sight.

Keywords: China, USA, trade, tariffs, sanctions, strategic security, Russia, digitalization

For citation: Luzyanin S.G. China – USA: Model 2025. Is a New Triangle “Russia – China – USA” Possible? *Asia and Africa today*. 2025. № 4. Pp. 5–12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525040012

ВВЕДЕНИЕ

Мир застыл в ожидании очередной фазы выяснения отношений Пекина и Вашингтона на ближайшие 4 года президентства Д.Трампа (2025–2028). Какими они будут: острыми, конфронтационными или мирными, коммерчески-договорными?

Пока точно никто не знает, включая и самих лидеров держав. В любом случае интрига сохранится в течение 2025 г., пока окончательно не сформируются американская и китайская повестки в отношении друг друга. При этом уже сегодня, исходя из заявленных текущих приоритетов и желаний Д.Трампа и Си Цзиньпина по глобальным, региональным и двусторонним (китайско-американским) форматам, можно обозначить сценарии и наиболее вероятные треки конфликтности и кооперации.

Цель статьи – попытаться нащупать сценарии отношений КНР и США, обозначить ключевые контуры сложной и противоречивой китайско-американской картины 2025–2028 гг., включая и российский интерес, и ответ на глобальный вопрос – возможен ли стратегический треугольник «Россия – Китай – США»?

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСИММЕТРИИ

Глобальная асимметрия США и Китая, как известно, связана со стремительным возвышением Поднебесной, превращением ее за последние 30 лет, в рамках политики реформ и открытости, инициированной Дэн Сяопином в конце 1990-х гг., в новую сверхдержаву и ответной нервной реакцией Вашингтона на данный рост.

Американская стратегия превращения Китая в обслуживающую «золотой миллиард» экономику и использование механизмов глобализации и либерализации для идеологического «размягчения» коммунистического Китая провалилась. Китайское руководство, особенно после прихода к власти в 2012 г. Си Цзиньпина, усилило централизацию политической системы и сумело добиться того, что Китай вышел на ведущие мировые позиции, догнав и перегнав США по ряду ключевых показателей¹.

В мировой политологической литературе сформировался дискурс по поводу «старой» и новой «поднимающейся» державы, импульс которому во многом дал американский профессор Грэм Т.Аллисон (р. 1940); он, исходя из исторических примеров конфликта древней Спарты («старой державы») и поднимающихся Афин, сформулировал т.н. «ловушку Фукидида»², проецируя античную историю на современный конфликт растущей китайской державы и США. «Если обе стороны не предпримут трудных и болезненных действий, – пишет он, – неизбежно сработает ловушка прямого конфликта» [2, р. 7].

В Китае по поводу данных противоречий ведущим политологом, профессором Янь Сюэтуном (Университет Цинхуа, один из ведущих в Китае) был сформулирован оригинальный ответ, также с отсылками к древним китайским ценностям и философии.

В рамках разработанной им теории морального реализма он подчеркивал, что, кроме военно-политических и экономических ресурсов, моральные качества поднимающейся сверхдержавы могут и должны стать главными гарантами стабильности [4; 7]. Китайский эксперт, видимо, намекает на то, что у «старой сверхдержавы» – США – такие моральные ценности и нормы явно отсутствуют, в то время как китайские современные лидеры, включая председателя КНР Си Цзиньпина, сохраняют конфуцианскую преемственность «благородного мужа», что и является одним из сдерживающих факторов американской гегемонии и монополизма.

¹ ВВП КНР по паритету покупательной способности (ППС) за 2024 г. составил \$36,4 трлн, американский ВВП по ППС – \$27,6 трлн (прим. авт.).

² Фукидид – древнегреческий историк (V век до н.э.), описавший войну Спарты и Афин (прим. авт.). Термин основан на цитате Фукидида, историка и военачальника, который утверждал, что Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э.) между Афинами и Спартой была неизбежной из-за страха Спарты перед ростом афинской власти (прим. ред.).

В апреле 2023 г. на одной из конференций Янь Сюэтунь заявил, что на основе китайско-американского противостояния фактически сложилось новое биполярное мировое устройство, которое официально пока никто не признает, но которое приводит к деглобализации и является устойчивой и долговременной тенденцией международных отношений [1, с. 35].

При этом на официальном уровне Китай декларировал свое желание всячески избегать конфронтации. В китайских документах 2017 г. и в последующие годы отмечалось, что «ни одна страна не может в одиночку справиться со стоящими перед человечеством вызовами, также ни одна страна не может отступить обратно на остров самоизоляции» [3].

Вашингтону давался явный сигнал о приверженности Китая стратегии коллективных действий вместе с США и другими странами Запада. Как известно, он (сигнал) тогда не был услышан: сначала Д.Трамп в первый свой президентский срок (2017–2020), а затем и Дж.Байден (2020–2024) развернули массированные торговые, технологические и санкционные войны против Поднебесной [5].

Китайское руководство в переходный американский период от Дж.Байдена к Д.Трампу пыталось донести до Белого дома незыблемость 3 «красных линий», в числе которых:

- 1) вопрос о Тайване;
- 2) неприкосновенность социалистической системы Китая и его суверенитета;
- 3) право на развитие и свою модель модернизации.

В этом случае политика Китая в отношении США, как заявил министр иностранных дел КНР Ван И 17 декабря 2024 г., «...сохранит стабильность и преемственность... а Китай будет готов поддерживать диалог с США, контролировать разногласия, укреплять взаимное доверие и устранять сомнения»³.

Учитывая развернувшуюся в январе 2025 г., в первый месяц правления нового президента Д.Трампа, тарифную экспансию США на китайском треке и ответные действия КНР, устранить сомнения Пекина не удалось.

В основе глобальных китайско-американских противоречий в числе прочего лежит проблема взаимозависимости, то есть кто кому больше нужен в условиях глобализации: США Китаю или наоборот. Большинство китайских ученых считает, что экономически Америка уже во многом зависит от Поднебесной, что эта зависимость в основном связана с высоким американским торговым дефицитом [6, pp. 14–15.], а также с большими долговыми обязательствами США [8, pp. 3–4].

На наш взгляд, до недавнего времени, включая период президентства Дж.Байдена, зависимость США и КНР друг от друга была примерно равной. В каких-то компонентах Китай зависел от американских поставок, в каких-то США – от китайских. Так, двусторонний товарооборот за 2023 г. составил \$664,4 млрд (китайский экспорт – 500,2, импорт – 164,1), а в 2024 г. – \$688,2 млрд (китайский экспорт 524,6, импорт – 163, 6)⁴ при постоянно растущем положительном торговом сальдо в пользу КНР [9]. Американский рынок поглощал около 23% всего китайского экспорта. При этом США остаются основным потребителем китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды [1, с. 40–41].

Зависимость китайской экономики от американского рынка сегодня такова, что при снижении американского ВВП на 1,5% китайский экспорт на американский рынок падает на 4–5%⁵. При этом Китай активно сокращает свою долю в купленных им финансовых казначейских облигациях США [9]. В 2024 г. объем вложений китайских инвесторов в американский госдолг сократился на \$57 млрд и составил \$759 млрд⁶.

В США сложилась отработанная система лоббирования китайских экономических интересов. Она имеет мощные политические и финансовые институты, поддерживается отдельными крупными американскими политиками и бизнесменами. Так, ближайший помощник Д.Трампа, руководитель департамента эффективности правительства США Илон Маск, имея серьезный бизнес и многомиллиардные инвестиции в Китае (заводы по сборке электроавтомобилей *Tesla*, производству аккумуляторов и др.), выступает гласно и негласно таким лоббистом.

³ Ван И рассказал о китайско-американских отношениях и политике Китая в отношении США. 17.12.2024. https://fmprc.gov.cn/rus/wjb/wjbz/cwbw/202412/t20241220_11507857.htm (accessed 25.12.2024)

⁴ См.: <https://ria.ru/20240112/tovarooborot-1920846827.htm>; <https://lenta.ru/news/2025/01/13/v-kitae-otsenili-masshtaby-torgovli-s-ssha/> (accessed 03.03.2025)

⁵ См.: <https://m.business-gazeta.ru/news/557516> (accessed 20.01.2025)

⁶ См.: <https://www.rbc.ru/economics/19/02/2025/67b5cca19a79476dee62e62b> (accessed 03.03.2025)

До недавнего времени эта схема в США выглядела примерно так: посольство КНР – торговый совет и американские общественные организации – лоббистские фирмы. Проводниками китайских экономических интересов до недавнего времени являлись крупные американские корпорации, которые были допущены на китайский рынок, включая «Боинг», «Сити групп», «Кока-кола» и др.

Однако в данной тенденции (росте взаимозависимости) просматриваются и новые моменты.

Китай после XIX (2017) и XX съездов КПК (2022), усиления личного влияния и роли китайского лидера Си Цзиньпина в стране и в мире пытается максимально использовать американские ресурсы для перехода на новую экономическую (инновационную) модель, которая не должна быть столь явно, как нынешняя, завязана на экспорте и внешних рынках. Просматривается желание Китая ослабить, а в перспективе полностью ликвидировать экономическую зависимость от США.

Вашингтон, в свою очередь, в период президентства Дж.Байдена пытался сохранить взаимозависимость, продолжая встраивать китайскую экономику в мировую либеральную модель и интегрируя китайские фондовые и иные рынки. В идеале полная либерализация китайской валюты (юаня) в американском варианте позволила бы США еще больше ускорить этот процесс. Очевидно, что приход Д.Трампа в Белый дом радикально меняет модель интеграции Китая с американской глобальной экономикой в сторону усиления асимметрий и конфликтности.

ВОЗМОЖНЫЕ ЗОНЫ КОНФЛИКТНОСТИ В 2025–2028 ГГ.

Основными конфликтными треками США с Китаем в первый срок Д.Трампа были:

- Финансовые и торгово-экономические разногласия по текущему курсу доллара и юаня. В США утверждали, что Китай сознательно удерживает курс юаня на низком уровне, чтобы сделать свои экспортные товары более конкурентоспособными, что приводило якобы к неравным условиям в торговле с США и формированию большого китайского профицита. Другое обвинение Вашингтона было связано с целевым государственным субсидированием китайских компаний и производств, работающих на экспорт в США и производящих более дешевые товары, что, по мнению американского руководства, также создавало дополнительные преимущества в торговле.

- Геополитическое соперничество: перераспределение сфер глобальных интересов и регионального влияния в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, борьба за влияние в АСЕАН.

- Азиатский сегмент ПРО США и расхождения по проблеме стратегических и ядерных вооружений.

- Дипломатические расхождения: разногласия в ООН и других международных организациях по ряду ключевых проблем поддержания мира.

В байденовский период Вашингтон дополнил «конфликтный список», усилив гуманитарную тематику и обвиняя Китай в «нарушении» прав человека в Синьцзяне и Гонконге, а также до предела обострил тайваньскую проблему посредством визита в Тайбэй тогдашнего спикера палаты представителей Н.Пилоси (август 2022 г.) и увеличения военных поставок на остров [5].

К специфике американской политики в этот период следует также отнести расширение деятельности стран НАТО в восточноазиатском регионе через усиление военно-политических проектов *AUKUS* (США – Великобритания – Австралия), *QUAD* (США – Индия – Япония – Австралия) и трехстороннего военного проекта «США – Япония – Южная Корея», оформленного в августе 2023 г. в Кэмп-Дэвиде (США).

Реалии текущего года говорят об углублении прежде всего торгово-экономических противоречий. В феврале 2025 г. Трамп в отношении всех статей китайского импорта ввел 10-процентный тариф, объясняя это тем, что Китай якобы является основным источником прекурсоров для производства *фентанила* – наркотика, вызвавшего в США опиоидную эпидемию. За 11 месяцев 2024 г. США ввезли китайских товаров на \$401 млрд, за 2023 г. – на \$448 млрд. Торговый дефицит США с Китаем по товарам за январь – ноябрь 2024 г. составил около \$270 млрд⁷.

Прогнозируя китайско-американские противоречия на период 2025–2028 гг., следует выделить следующие наиболее вероятные, на наш взгляд, направления:

⁷ Новая торговая война США и Китая. Что это значит для России. <https://rbc.ru/economics/05/02/2025/67a2107c9a79476d800d61a4?from=share> (accessed 15.02.2025)

– Углубление и расширение торгово-тарифной китайско-американской войны, которая по объемам и степени отрицательного влияния на мировую экономику и глобальные цепочки поставок превзойдет эффект первого варианта американо-китайских разборок при Д.Трампе в 2017–2020 гг. Скорее всего, Китай будет расширять введение тарифов на все основные группы американских товаров в размере от 10 до 25%, что сделает их менее конкурентоспособными на китайском рынке, а китайские товары более привлекательными для дружественных Китаю стран (России, государств АСЕАН, Центральной Азии, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока).

– Следует ожидать введения китайских ограничений на американские инвестиции, включая запрет компаниям США вкладываться в определенные секторы китайской экономики, особенно в стратегически важные для Пекина, такие как технологии и инфраструктура.

– Очевидно, что Пекин и дальше будет ограничивать экспорт в США своих редкоземельных металлов, имеющих для американской экономики стратегическое значение. Как известно, КНР в настоящее время контролирует 70% их добычи и является ключевым поставщиком для американского производства микроэлектроники, чипов, промышленных и военных лазеров и др.

– Возможно расширение санкций против отдельных американских компаний и лиц, включая государственных чиновников и крупных бизнесменов, замораживание активов и запрет для них на ведение бизнеса в КНР. При этом те компании, которые сохраняют право работы, неизбежно попадут под жесткий контроль и проверки, вынуждены будут нести дополнительные затраты.

– В случае срыва переговоров на высшем уровне (форс-мажорные обстоятельства по тайваньскому вопросу, территориальной целостности КНР в южных морях и пр.), не исключено понижение уровня дипломатических отношений, включая отмены визитов высокопоставленных чиновников или отказ от участия в совместных международных форумах.

– Усиление поддержки Китаем своих стратегических партнеров по БРИКС и ШОС, а также государств АСЕАН, испытывающих давление со стороны Вашингтона, что позволит Пекину в течение 2025–2028 гг. получать дополнительные политико-экономические эффекты сдерживания США и консолидации Глобального Юга.

– На фоне сокращения американского углеводородного импорта в КНР просматриваются возможности дальнейшего расширения закупок Китаем российской нефти и СПГ⁸ и ускорения строительства и ввода в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири-2» из России через Монголию в Китай.

ЦИФРОВАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Относительно новым конкурентным направлением становится сфера цифровой экономики и высоких технологий.

Как известно, в период своего первого президентства Д.Трамп инициировал ряд атак на ведущие китайские технологические компании (в частности, *Huawei*), пытаясь затормозить технологическое развитие Поднебесной. В настоящее время между двумя гигантами фактически развернулась война в киберпространстве, происходит взаимное увеличение количества кибератак на компании и государственные учреждения США и КНР. Китай ограничил доступ американских компаний к китайским рынкам в сферах высоких технологий, таких как искусственный интеллект, полупроводники и телекоммуникации.

Специфика китайской модели цифровизации связана, с одной стороны, с активным использованием отдельных западных цифровых платформ и разработок, а с другой – с формированием собственных независимых цифровых проектов, включая продвижение платформ *Big Data* (большие данные), Цифровой Шелковый путь (ЦШП) и др.

Наиболее яркий цифровой прорыв Китая в 2025 г. связан с разработкой и внедрением в рамках продвижения искусственного интеллекта (ИИ) проекта *DeepSeek* («Глубинный поиск»), превысившего американские аналоги по затратам и эффективности в сотни раз. Китайские ученые в 2023 г. под руководством Лян Вэньфэна, главы фонда *High-Flyer*, создали одноименный стартап, разработавший соответствующее приложение и в начале 2025 г. успешно внедривший его в массовое использование.

⁸ В 2024 г. в общей российско-китайской торговле – \$240 млрд – углеводородная доля китайских закупок составляла \$95 млрд. С учетом введенных китайских импортных ограничений на американские углеводородные поставки, Пекин может значительно увеличить углеводородный импорт из РФ (прим. авт.).

Так, в качестве мобильного приложения оно было загружено 1,6 млн раз и заняло 1-е место по числу скачиваний в магазинах приложений для *iPhone* в Австралии, Канаде, Китае, Сингапуре, США и Великобритании⁹. Причинами коммерческого и технологического успеха, по мнению экспертов, является умелое сочетание использования собственных, более дешевых и эффективных китайских чипов, наличие подготовленной базы – гигантских ресурсов больших данных и продуманная маркетинговая тактика и стратегия продвижения нового продукта на мировых рынках¹⁰.

Фактически, речь идет о «цифровом вызове», который Китай бросил американскому лидеру, проводившему цифровую колонизацию и строящему свою цифровую империю. В рамках развернувшейся китайско-американской технологической борьбы Китай активно укрепляет свой цифровой суверенитет, занимая в отдельных сегментах мировой цифровой экономики ведущие позиции, вытесняя западных конкурентов.

ВОЗМОЖЕН ЛИ НОВЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК?

О стратегическом треугольнике «Россия – Китай – США» много говорили в 1990–2000-е гг., включая и политические шаги по формированию в том или ином виде его отдельных сегментов. Так, США в первый срок президентства Б.Обамы официально предложили Китаю проект *G-2* (2008) по разделу сфер влияния, отклоненный Пекином. Тогда планы Вашингтона были связаны с желанием вовлечь Китай в американскую глобальную систему управления, поставив Пекин в зависимое, подчиненное положение.

Другая цель – замедлить рост быстро формирующегося российско-китайского партнерства, которое тогда активно формировалось на основе Большого Договора 2001 г. между РФ и КНР. Через призму проекта *G-2* тогдашнее американское руководство хотело сформировать треугольник «Россия – Китай – США» с креном в сторону китайско-американского компонента и ослаблением российско-китайского вектора.

Вашингтон, еще сохранявший конструктивные отношения с Москвой, пытался также наладить стратегический диалог одновременно и с Россией, и с Китаем, опасаясь перерастания их партнерства в военный союз. США хотели сделать КНР равноправным участником российско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений – Договора СНВ-3. Однако американский план не был реализован, поскольку Пекин отклонял все предложения американцев, считая, что этот формат является двусторонним для РФ и США, имеющих несопоставимое с КНР количество ядерных боеголовок и носителей¹¹.

После 2013 г., запуска Китаем своей инициативы «Один пояс и один путь» (ОПОП), демонтировавшей ряд глобальных и региональных транспортных проектов США, а также обострения российско-американских отношений в условиях возвращения Крыма в состав России в 2014 г. политические шаги по созданию структуры «Россия – Китай – США» полностью прекратились, данная проблематика перешла в плоскость чисто теоретического, экспертного обсуждения.

Одним из таких форматов является ежегодная Монтерейская конференция¹², в которой принимают участие ученые трех стран – США, РФ и КНР.

На заседании в октябре 2024 г. американские участники, в частности, прогнозировали смещение давления США при Д.Трампе с России на Китай, а также возможность достижения с РФ договоренности в области контроля над вооружениями – как в Европе, так и в глобальном масштабе. Китайские эксперты отмечали, что в случае вооруженного конфликта с Китаем за США пойдут максимум 5–6 стран, остальные сохранят нейтралитет, включая страны Европы.

По вопросам ядерного потенциала и возможности стратегических переговоров было отмечено, что ядерный потенциал Китая не так велик, как у России и США, поэтому пока такие переговоры в трех-

⁹ <https://topcor.ru/56077-professor-vshje-pytajas-kupirovat-proryv-kitaja-v-oblasti-ii-ssha-sdadut-ukrainu-rossii.html> (accessed 24.01.2025)

¹⁰ <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/01/30/1089114-kak-v-kitae-stal-vozmozhen-uspeh-deepseek> (accessed 24.01.2025)

¹¹ По данным Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), примерное количество ядерных боеголовок у США – 5080, РФ – 5580, КНР – 360 (прим. авт.).

¹² Трехсторонняя конференция ученых США, России и Китая, организованная в г. Монтерей (Калифорния, США), посвящена вопросам изучения Арктики, ядерного оружия, космоса и киберпространства, первая состоялась в ноябре 2023 г., вторая прошла в октябре 2024 г. в ЮАР (прим. авт.).

стороннем формате маловероятны, при этом в случае необходимости Китай может быстро нарастить нужные объемы вооружений¹³.

В настоящее время на взаимоотношения трех стран особое влияние имеет украинский кризис.

Смена акцентов у новой администрации Д.Трампа – с тезиса Дж.Байдена о необходимости стратегического поражения России на возможности мирных переговоров между руководителями США и России по прекращению войны – положительно влияет на общий политический фон. При этом хорошо известен и план Китая по урегулированию конфликта, а также отказ Пекина от участия в «мирных саммитах» Запада и Украины, провалившихся во многом из-за отрицательной позиции КНР.

Региональные измерения треугольника, на наш взгляд, определяются наступательным характером действий России и Китая в Африке, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и региональными контратаками США. Очевидно, что Д.Трамп не захочет уступать уже завоеванные ранее США позиции, особенно в Латинской Америке – зоне исключительных американских интересов (согласно доктрине Монро)¹⁴, что неизбежно приведет к обострению транспортных (зона Панамского канала), торгово-экономических и, как следствие, политических отношений.

Учитывая историю китайско-американских договоренностей 1971–1979 гг., направленных против СССР, современные американские стратеги, возможно, планируют новые варианты проекта Г.Киссинджера, но уже в формате американо-российского сближения против Китая.

Подобные настроения усилились после прихода к власти в 2024 г. Д.Трампа и его озвученных планов «большой сделки» с Россией на антикитайской основе. При этом очевидно, что максимум, на что может пойти Москва, – это выступить неким балансиром в китайско-американском противоборстве, и то при условии сохранения высокого уровня достигнутого российско-китайского партнерства. В любом случае треугольник не может развиваться за счет ухудшения отношений РФ и КНР. Для Москвы это очевидная аксиома.

Геополитические аспекты стратегических переговоров по вооружениям в настоящее время связаны с тем, что России и США придется решать «ядерную головоломку» либо с продлением ДСНВ-3¹⁵, заканчивающего свое действие в феврале 2026 г., в котором Россия, как известно, в 2023 г. приостановила свое участие, либо пускаться в свободное «ядерное плавание» без каких-либо ограничений.

При этом, учитывая, что де-факто режим ограничений и контроля (верификации) уже давно не работает, задачей нового Договора будет выработка обновленной концепции/философии ядерного сосуществования, а не каких-то конкретных военно-технологических параметров.

Желание США втянуть Китай в российско-американский переговорный процесс будет блокироваться Москвой, либо будут выдвигаться ответные требования обсуждать сокращение британского и французского ядерных потенциалов, вывести проблему нераспространения на уровень всех 5 официальных ядерных держав, что маловероятно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наступившая в истории Америки «эпоха Трампа» говорит о вхождении США и КНР в 4-летнюю фазу нового, более острого, чем в предыдущие годы, противостояния. Надежды отдельных американских и китайских политиков и бизнесменов на некую «большую сделку» и перевод конфликтных вопросов в замороженное состояние маловероятны. «Новая холодная война», развернувшаяся не только в Европе, но и в Восточной Азии, во многом усиливает китайско-американские противоречия, делает их более острыми и глубокими.

Стратегическая цель США – восстановить экономико-технологическую зависимость Китая и периферийный характер его экономики через активизацию таможенно-тарифного и санкционного давления, через усиление военно-политической конфронтации, силового позиционирования в Азиатско-Тихооке-

¹³ См.: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-nekotorykh-itogakh-montereyskogo-trialoga-rossiya-knr-ssha/> (accessed 24.01.2025)

¹⁴ Доктрина, провозглашенная 2 декабря 1823 г. президентом Дж.Монро, об Американском континенте, закрытом для вмешательства европейских держав (*прим. авт.*).

¹⁵ Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3) подписан 8 апреля 2010 г. (*прим. авт.*).

анском регионе, включая чувствительные зоны Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, Тайваньского, Малаккского проливов.

Цель КНР – на данном этапе избежать лобового столкновения с США, минимизировать экономико-технологические потери от тарифного давления Д.Трампа, развернув ответные экономические и санкционные шаги. Очевидно, что Пекин будет использовать весь набор возможностей и механизмов в «торговой войне 2.0» – от девальвации юаня, финансовых маневров с американскими ценными бумагами до переориентации на другие (европейский, асеановский, российский и др.) рынки. При этом роль и значение российско-китайского партнерства в глазах Пекина будет и дальше возрастать как в плане военно-стратегической, так и экономико-энергетической кооперации.

Перспективы формирования полноценного треугольника «Россия – Китай – США» маловероятны. Пока речь идет об отдельных сегментах структуры, прежде всего о дальнейшем, несоюзническом сближении и кооперации РФ и КНР по основным измерениям, включая военно-стратегическое. Трехсторонней согласованной повестки по экономике, экологии, финансам, безопасности, транспорту и другим вопросам пока не существует, просматриваются только отдельные, в основном двусторонние, части диалога (о нераспространении и стратегическом сдерживании) в российско-американском формате.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение. Отв. ред.: Д.В.Стрельцов. М.: Аспект Пресс, 2025. 285 с.
2025. “New Cold War” in Asia. Global and regional dimension. Ed.: D.V.Streltsov. Moscow. 2025. 285 p. (In Russ.)
2. Allison G. Destined for War. Can America and China Escape Thucydides’s Trap? Boston, N.Y., 2017. 120 p.
3. Report of General Secretary of the CPC Central Committee Xi Jinping to the 19th CPC National Congress, November 3, 2017. http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm (accessed 17.02.2024)
4. Yan Xuetong. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019. 280 p.
5. Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 4–13. DOI: 10.31857/S032150750024431-6
Luzyanin S.G. China – USA: Model 2023. “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 4–13. (In Russ.). DOI: 0.31857/S032150750024431-6
6. 李冠. 美国的“霸权担忧”与中国的战略应对//现在国际关系. 2010年, 第XI号. 第 14–15 页 (Li Guan. 2010. “The US Hegemonic Concern” and China’s Strategic Response. *Modern International Relations*. № XI. Pp. 9–15) (In Chin.)
7. 阎学通. 外交转型、利益排序与大国崛起 // 战略决策研究. 2017 年第 3 期. 第 4–11 页 (Yan Xuetong. 2017, Transformation of Foreign Policy, the Order of Interests, and the Rise of Major Powers. *Strategic Decision Studies*. № 3. Pp. 4–11) (In Chin.)
8. 颜好眠. 新时期中美合作的动力与障碍//国际问题研究. 2010. 第5期. 第3–19页 (Yan Haomian. 2010. Driving Forces and Obstacles in China-US Cooperation in the New Period. *Research of International Problems*. № 5. Pp. 3–19) (In Chin.)
9. Подоба З.С., Кузнецова Ю.А. (Санкт-Петербург). Конкуренентоспособность Китая и США в мировой экономике. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 3. С. 22–32. DOI: 10.31857/S0321507525030034
Podoba Z.S., Kuznetsova Yu.A. (St. Petersburg). 2025. International Competitiveness of China and the United States: Comparative analysis. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 22–32. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525030034

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, департамент зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ; профессор МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, School of International Regional Studies, HSE University; Professor, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 13.02.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 01.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 15.03.2025